

СИСТЕМА ТРАДИЦИОННОГО ЯПОНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

На фоне повышенного интереса к истории образования, характерного для современной историографии, весьма актуальным является обращение к изучению неевропейского опыта, накопленного в этой сфере. Актуальность обращения к японскому опыту усиливается еще и тем, что образовательный опыт Востока в целом и Дальнего Востока в частности обойден вниманием ученых. Отечественные исследования по истории японского образования либо фрагментарны, либо имеют уклон в сторону современности. Не преодолен некий налет мифологизации, характерный для представлений о развитии японской системы образования. Образовавшийся пробел в этой области весьма удачно восполняет монография А.Ф. Прасола, опубликованная в издательстве «Дальнаука»*.

Автор имеет несомненное преимущество перед своими коллегами. На протяжении многих лет он имеет возможность работать в Японии в качестве преподавателя, что позволяет ему взглянуть на историю японского образования как бы изнутри, в свете современных проблем.

Несколько слов о названии книги. Автор называет становлением образования огромный хронологический отрезок с VIII по середину XIX вв. Такую формулировку можно оправдать циклическим характером развития образовательной системы в Японии, что было свойственно и для европейских стран. Однако, на наш взгляд, более оправданным было бы другое название книги: «Становление и развитие образования в Японии». Из содержания труда очевидно, что после того как система образования в Японии сложилась в основных чертах, в дальнейшем она развивалась на собственной основе. Кстати, сам автор на с. 344 и 346 опровергает формулировку темы, вынесенную в заголовок.

В предисловии к монографии А.Ф. Прасол делает весьма остроумное замечание, что иностранцы, проработавшие несколько лет в японской системе образования и столкнувшиеся с ее своеобразными традициями, оказываются в состоянии культурного шока, накладывающего отпечаток на их исследовательские работы: «Они пишут статьи и книги, основной смысл которых сводится к тому, что в Японии образования как такового либо нет вообще, либо есть, но очень плохое, и его нужно срочно и кардинально менять» (с. 56).

Своим исследованием автор опровергает такую точку зрения, показывая своеобразие системы японского образования, на которую наложили отпечаток традиции, заложенные в период средневековья. Заслуживает внимания периодизация развития образования в Японии. А.Ф. Прасол выделяет три этапа в процессе его становления и развития: 1) со второй половины VII в. до 1868—1869 гг.; 2) со второй половины XIX в. до 1945 г.; 3) с 1945 до наших дней. В рамках первого периода дается более подробная периодизация, которая, как нам кажется, правильно отражает сущность вещей и лишней раз доказывает, что в то время происходило не только становление, но и развитие изучаемого феномена. Эта периодизация выглядит следующим образом: 1) эпоха Нара (конец VI — конец VIII вв.) и Хэйан (конец VIII — конец XII вв.); 2) эпоха Камакура (середина 80-х годов XII — конец тридцатых годов XIV вв.) и Муромати (конец тридцатых годов XIV — конец XV вв.); 3) эпоха Токугава (1603—1868). Автору монографии удалось мастерски снять проблему асинхронности развития политической жизни и образования в Японии. Хотя он не упоминает такой характеристики развития образования, как инерциальность, она напрашивается, исходя из контекста исследования.

* Прасол А.Ф. Становление образования в Японии. Владивосток: Дальнаука, 2001. 391 с.

Как заслугу А.Ф. Прасола следует отметить, что в его книге, свободной от налета псевдонаучных вымыслов, японское образование стало значительно ближе восприятию иностранцев. В силу этого появляется возможность не только видеть отдельные параллели в развитии образования в Японии и странах Западной Европы, но и производить с известной степенью корректности перенос терминологического комплекса. Благодаря такому переносу становится возможным дать объяснение процессам, происходившим вокруг государственного высшего учебного заведения. Так, автор показывает, что в IX—XII вв. вокруг Управления образования (Дайгакурё), бывшего одновременно административным и образовательным органом, возникают частные учебные заведения наиболее влиятельных научных кланов. Автор выделяет такую характерную черту японской системы образования, как «удивительный и непонятный с точки зрения европейцев симбиоз государственной и частной форм обучения, традиции которого чрезвычайно сильны и сегодня» (с. 59). Нужно отметить, что с появлением частных пансионатов намечается устойчивая тенденция к переносу в них основного объема образовательной деятельности. Учитывая это обстоятельство, правомерно усматривать аналогии между отмеченным процессом и так называемой «коллежской революцией» в Западной Европе, в результате которой центр учебной нагрузки вокруг университетской организации сместился от факультетов к колледжам.

В тесной связи с «пансионатной революцией» находятся вопросы материального обеспечения в системе государственных учреждений образования. Обращение автора к исследованию материального обеспечения образовательной деятельности находится в фарватере, заданном тенденциями современной историографии. Раскрывая механизм государственной поддержки учащейся молодежи, автор тем самым обозначает один из каналов правительственной политики в области просвещения, что позволяет проследить эволюцию японского образования в периоды Хэйан и Камакура как многофакторного явления.

Употребление автором монографии термина «административно-учебное управление» является весьма удачной находкой, так как государственные учреждения, совмещавшие управленческие и образовательные функции, существовали в то время не только в Японии, но и в Европе. Так, в конце VIII в. при дворе Карла Великого существовала Ахенская Академия, о характере которой до сих пор нет однозначного мнения. Тем не менее скорее всего Академия Карла Великого была именно административно-учебным учреждением. Не будет излишне смелым утверждение о возможности существования более широких параллелей между японским и западноевропейским образованием раннего средневековья.

Сильной стороной рецензируемой монографии является то, что ее автору удалось проследить усиление буддийского влияния в науке и культуре Японии во второй половине IX—XII вв. (с. 89—90). Автор убедительно продемонстрировал влияние буддизма на всю систему обучения. На наш взгляд, он совершенно прав в том, что оценивать влияние буддизма на развитие японского образования следует с учетом двух факторов. 1) Усиление позиций буддизма связано с процессом регулярных контактов с Китаем, что привело к переосмыслению и переработке сделанных ранее заимствований, обогативших японскую культуру. 2) Под влиянием буддизма японское образование, формировавшееся как конфуцианское, начинает «цивилизироваться», приобретая ориентацию на более широкий спектр общественно-полезных практик. И как следствие — увеличение доступности образования для выходцев из неаристократических сословий.

В любой серьезной работе по истории образования необходимо объяснение наиболее выдающихся его результатов. Для японского образования таким результатом является достаточно высокий уровень образованности среди различных слоев общества. Известно, что к началу модернизации по европейскому образцу Япония отличалась почти стопроцентной грамотностью населения.

В связи с этим исследование по истории японского образования должно показать причины появления и механизмы достижения подобного высокого результата. Автор монографии излагает богатейший материал, но, нарисовав пеструю и многоплановую картину, он не делает окончательного вывода, оставляя его на усмотрение думающего читателя. Исследователь показал своеобразие системы традиционного образования в Японии, но, на наш взгляд, прошел мимо характеристики важной особенности этой системы: она включала в себя элемент самообразования. Учет этого элемента заставляет по-новому взглянуть и на нынешнюю систему образования в Японии.

Вряд ли можно отнести к удачным то место в монографии, где автор освещает вопросы, связанные с контактами японского и европейского образования. Он приводит обширную цитату из записок Франциска Ксавье со своими уточняющими вставками (с. 111—112). Однако дальше дело не идет, и бесценные наблюдения регента Парижского университета и ближайшего сподвижника Игнатия Лойолы остаются только ярким примером, призванным иллюстрировать уровень развития системы буддийских храмовых школ. В то же время записки Ксавье дают прекрасную возможность увидеть осмысление реалий японского образования XVI в. в понятиях, связанных с японскими образовательными традициями. Сделать это тем более важно, что Ф. Ксавье пришлось выступать в качестве демиурга проникновения европейского образования в Японию, осуществленного его собратьями по Обществу Иисуса.

При описании религиозных учреждений, действовавших в Японии, остается загадкой Общество Агостино. В этом случае с автором сыграло злую шутку искажение названий и имен, возникающее при переносе их из одной культурно-языковой системы в другую. Опираясь в основном на японскую литературу, он воспроизвел в книге искаженное наименование ордена Августинцев. Скорее всего здесь имеет место двойное искажение, так как в японскую литературу название Августинского ордена пришло в испанском или португальском произношении, а автор лишь максимально точно передал его звучание на японском. Этот факт говорит о том, что следует уделять должное внимание перепроверке сведений, почерпнутых из иноязычной литературы, прибегая к материалам на языке, используемом большинством читательской аудитории.

Слабым местом монографии является глава IV «Внешкольное обучение, просвещение и воспитание в эпоху Токугава». Она выбивается из общей канвы повествования. Неудачен сам термин «внешкольное обучение», применяемый для обозначения весьма разноплановых процессов.

Можно отметить, что для работы столь высокого уровня в монографии, к сожалению, слишком много досадных промахов и ошибок. Автор, например, в процессе изложения допускает хронологические скачки (с. 115, 123, 128), что влечет за собой нарушения принципа историзма. На с. 130 автор пишет о «сёгунах» Ода Нобунага и Маэда Гэнсуй. Однако ни тот, ни другой сёгунами не были, так как это противоречило существовавшим принципам легитимации. На с. 257 исследователь употребляет выражение «либеральное крыло неоконфуцианства», но это выражение не содержит никакой научной нагрузки, его трудно признать удачным даже как метафору. На с. 265 используется словосочетание «сменная служба князей», в то время как общепринятым является «система попеременного заложничества». Перечень этих ошибок можно было бы продолжить.

Иногда вызывает возражение перевод, отличающийся буквализмом. Например, автор переводит: «Большой исторический словарь». Удачнее было бы: «Энциклопедический словарь по истории».

Хотя отмеченные в монографии ошибки досадны, нужно еще раз подчеркнуть: мы имеем дело с интересным, очень содержательным исследованием, имеющим не только академическое, но и практическое значение.

Д.А. ЛИТОШЕНКО, аспирант кафедры всеобщей истории ДВГУ,
В.В. СОВАСТЕЕВ, доктор исторических наук, профессор ДВГУ.